

Художник предъявил «документ времени»

Независимая газета. - 2001. - 13 февр. - с. 16

СКЛАДЫВАЕТСЯ такое впечатление, что после того как Эдуард Лимонов написал «Книгу мертвых», представители столичной богемы принялись за мемуары. Две недели назад в галерее «7 гвоздей» ее владелец Николай Филипповский провел презентацию книги мемуаров живущей сейчас в Париже журналистки Киры Сапгир «Ткань лжи». А на днях в художественном центре «Летний сад» живущий в Кельне художник Анатолий Брусиловский представлял столичной богеме «документ времени», так он отозвался о своей книге «Студия».

Небольшой зал художественного центра «Летний сад» был набит до отказа. Писатели, художники, барды — наиболее яркие представители московской

богеми — пришли посмотреть на Брусиловского.

«Студия» Брусиловского — это летопись московского нонконформизма 60–70-х годов. Книга о художниках, поэтах, коллекционерах и дипломатах того времени: Илье Кабакове, Евгении Бачурине, Генрихе Сапгире, Валентине Кропивницкой, Эдуарде Лимонове и многих других. Кроме этого в ней вы найдете уникальные авторские фотографии, а также автографы и рисунки из «Гостевой книги», которая на протяжении 35 лет лежала в легендарной московской студии автора.

Наполеон сказал, что, для того чтобы объективно понять и оценить время, от него надо отдалиться на 50 лет. Брусиловский посетовал, что 50 лет, ко-

нечно, не прошло и на «волнах времени до сих пор носится хлам старых обид». Но у него есть оправдание: он описал только то, что видел сам. «Многие люди до сих пор считают, что 60-е — это годы какого-то безвременья. Все было не так страшно, как пытаются показать некоторые. Но тем не менее три последних десятилетия показали, что многие люди культуры 60-х вошли в мировую культуру. Нас пытались сильно «прикрутить», но даже в те времена многие мои знакомые жили неплохо», — рассказал Брусиловский.

В своей книге он переоценивает время, которое было своеобразным инкубатором для российских талантов. Несмотря на то что не было выставок и книги

зарубежных авторов просто не продавались, а советские критики пытались внушить творческим людям их вторичность в мировом культурном процессе, таланты все-таки себя проявили. «Студия» — это совсем не автобиографическая книга. Это своеобразная дань уважения московской богеме, «которая напитала Брусиловского своими соками» и в среде которой он «вырос». Таким образом, презентация постепенно переросла в вечер памяти.

Например, Брусиловский рассказал собравшимся о выдающемся художнике современности Василии Ситникове, для своих — Ваське Фонащике. Ему посвящена глава в книге. «У него не было даже паспорта, и он состоял на учете в психбольни-

це. Свои картины он рисовал в полувыселенном доме. Жил в нечеловеческих условиях. Но к нему ходили дипломаты и покупали его работы. В конце концов, под давлением советских властей, он уехал в США, где прожил в ужасных условиях 12 лет. Только сейчас в России начинают о нем вспоминать», — заметил Брусиловский.

Многим писателям удалось прочитать «Студию» еще до презентации. Высказаться хотели многие. Но почему-то запомнился только отзыв поэта Евгения Рейна. Он сказал, что в отличие от нигилиста Лимонова, который щупает мир «грязными руками», Брусиловский с большим вниманием и любовью относится к тому, что описывает.

Ольга ЯКОВЛЕВА